

ЗА РУБЕЖОМ

СОЦИОЛОГИЗАЦИЯ ФРЕЙДИЗМА В ТЕОРИЯХ ЛИЧНОСТИ К. ХОРНИ И Г. С. САЛЛИВЕНА

Т. А. ФЛОРЕНСКАЯ

(НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва)

Область постфрейдизма остается пока мало исследованной в советской психологии. Многообразие вариаций психоанализа, разрабатывавшегося после Фрейда, не поддается обзору в одном исследовании, поэтому из реформаторских течений постфрейдизма мы выбрали лишь одно, называемое «неофрейдизмом». Это направление заслуживает особого внимания потому, что оно противопоставляет биологизму Фрейда принцип социальной детерминации в психологии личности, то есть претендует на перестройку самой основы фрейдизма.

Неофрейдизм возник в США в конце 30-х годов нашего века, его представители К. Хорни, Г. С. Салливен, Э. Фромм и К. Кардинер. Психология личности, развиваемая неофрейдизмом, наиболее полно представлена работами К. Хорни и Г. С. Салливена. Поэтому мы остановимся на рассмотрении именно этих работ.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В РАБОТАХ К. ХОРНИ

К. Хорни (1885—1952) отказалась от ортодоксального фрейдизма после довольно продолжительной психоаналитической практики. Пересмотр взглядов Фрейда, по словам Хорни, начался у нее с сомнения относительно правильности фрейдовского биологизаторского понимания женской психологии. Ошибочность такого понимания заключалась, по ее мнению, в том, что Фрейд не учитывал культурных факторов в психологии человека. Пятнадцатилетние размышления в этом направлении, знакомство с работами «культурных антропологов» Б. Малиновского и Дж. Миде, содружество с Э. Фроммом, а также наблюдавшиеся ею различия неврозов в Германии и Америке, привели Хорни к окончательному выводу об определяющей роли культуры в формировании личности и неврозов. Эти взгляды впервые сформулированы Хорни в книге «Невротическая личность нашего времени» (1937), где неврозы рассматриваются как результат нарушения человеческих отношений, вызванных культурой.

В книгах «Невротическая личность нашего времени» и «Новые пути в психоанализе»

(1939) Хорни сравнивает свои взгляды с идеями Фрейда. Хорни отвергает пансексуализм Фрейда, теорию либидо, эдипов комплекс, инстинкт смерти, понятия «Оно», «Я», «Сверх — Я» и др. Она критикует механистически-эволюционистское мышление Фрейда, согласно которому психика взрослого не содержит ничего качественно нового по сравнению с психикой ребенка. С этой точки зрения Хорни критикует теорию «навязчивого повторения», понятия регрессии, вневременного, бессознательного и др.

Однако критика Фрейда не означает для Хорни отказ от его учения. Она говорит о своей глубокой благодарности Фрейду и видит свою задачу в «усовершенствовании» фрейдизма путем замены его биологической ориентации на социальную и освобождения его от всего «лишнего и устаревшего».

Основным в теории Хорни является понятие «коренная тревога» — ощущение одиночества и беспомощности в потенциально враждебном мире. Коренная тревога связана с неблагоприятными взаимоотношениями с родителями в раннем детстве: отсутствием любви, понимания и терпимости по отношению к ребенку, либо с чрезмерной опекой, лишением самостоятельности. Тревога вызывает у ребенка желание привязанности, за которым стоит потребность чувствовать себя в безопасности.

Хорни считает, что человеком управляют два главных стремления: к безопасности и удовлетворению. Вопрос об их происхождении — врожденном или приобретенном — она ставляет открытым. Эти два вида стремлений несовместимы, так как удовлетворение желаний наталкивается на угрозу наказания и осуждения со стороны общества. Возникающий конфликт ведет к подавлению, т. е. к изгнанию из сознания одного из несовместимых стремлений.

В книге «Наши внутренние конфликты» (1945) Хорни рассматривает влечения, конфликты и различные способы их разрешения в невротической личности (понятие которой у Хорни выходит за рамки явной патологии и характеризует искажения в развитии личности). В невротической личности влечения компульсивны: вместо того, чтобы

быть управляемыми, они сами управляют человеком; конфликтующие тенденции несовместимы и бессознательны, что ведет к невозможности выбора между ними.

Хорни выделяет четыре основных типа невротического решения конфликтов:

- 1) усиление одной стороны конфликта и ослабление противоположной;
- 2) изоляция как способ уйти от конфликтных отношений с людьми;
- 3) «движение от себя» — т. е. создание идеализированного образа «я», в котором конфликтующие стороны так видоизменены, что выступают уже не как конфликтные, но как различные аспекты «богатой личности»;
- 4) экстерниоризация — переживание внутренних процессов как происходящих вовне.

Другие средства — самооправдание, жесткий самоконтроль, цинизм, устраняющий конфликты путем развенчивания ценностей.

Хорни объединяет невротические черты в три основных типа отношений к себе и к людям, конфликт между которыми характеризует структуру невротической личности:

- 1) движение к людям;
- 2) движение против людей;
- 3) движение от людей.

Если в норме эти тенденции сосуществуют, в неврозе они компульсивны и вследствие этого составляют неразрешимый конфликт; невротик сознательно придерживается лишь одной какой-либо тенденции, отвергая две другие. Этот основной невротический конфликт маскируется защитными механизмами, так что на поверхности выступают лишь различные попытки его решения. Хорни дает описание трех типов невротической личности, это — «уступчивый», «агрессивный» и «устраненный» типы.

В последней работе Хорни «Невроз и развитие человека» (1950) центральной становится проблема «самореализации». Хорни связывает нормальное развитие личности — в отличие от невротического — со спонтанным саморазвитием «реального я», которое участвует в основном невротическом конфликте и реализация которого является целью психотерапии. Остановимся на анализе этого центрального понятия психологии личности Хорни.

«Реальное я» — живой, уникальный, личный центр нас... первоначальная сила, ведущая к индивидуальному развитию и осуществлению... Это то, о чем мы говорим: «найди себя»... Потеря себя, говорит Кьеркегор, — «болезнь, либо смерть» [12; 156]. Из этой характеристики «реального я», заимствованной у экзистенциализма, трудно понять его конкретно-психологическое содержание. Об этом содержании можно судить лишь косвенно, на основании клинических суждений Хорни. Из них мы узнаем, что практически «реальное я» для Хорни — это человек со всеми его недостатками и ограничениями; что этому «я» противостоит вымышленное «идеализированное я», наделенное безграничным совершенством.

Об этом стремлении к безграничному совершенству Хорни говорит как о главном

виновнике невротического процесса. При этом она делает оговорку, что невротическое стремление к совершенству следует отличать от здорового. Однако свои психотерапевтические усилия Хорни направляет на то, чтобы пациент принял себя таким, каков он есть — со всеми своими недостатками и ограничениями.

Мы не будем сейчас обсуждать реальную практическую эффективность этой психотерапевтической установки Хорни (эффект психоаналитического процесса может быть результатом самых разнообразных факторов, не поддающихся учету). Но теоретически такая установка означает отказ от идеала в становлении личности, и это вызывает серьезные возражения.

В идеале мы видим тот образец, по которому формируются все психические свойства, способности и умения человека, ту цель, без которой принципиально невозможна человеческая деятельность. Ту же роль играет идеал и в процессе становления личности. Наиболее ярко потребность в идеале выступает именно в период сознательного становления личности — подростковом и юношеском возрастах (см. [3; 365—409]).

Существенно то, что идеалы подростка и юноши, как правило, выражают стремление к неограниченному совершенству, к расширению своего жизненного горизонта до общечеловеческих, мировых масштабов.

Мышление и деятельность в юношеском возрасте характеризуются стремлением понять свое место в мире и осуществить свою жизненную задачу сообразно своим дарованиям. Именно в этом, как мы думаем, выражается потребность в «нахождении себя», своего «реального я». Этот процесс выражает истинное стремление человека к совершенству и безграничности.

Стремление к универсальности, выражающее сущность человека, является идеалом как отдельной личности, так и всего человечества. Именно к этому направлены усилия человеческой культуры, принимающей космические масштабы.

Но совершенство и безграничность невозможны для человека как отдельного существа, вне реального единства с человечеством, общечеловеческой культурой, миром природы. (Говоря об «универсальной сущности человека», К. Маркс связывает это понятие с единством человеческого рода и мира природы [1; 565—567]). Индивидуалистическая обособленность несовместима со стремлением к совершенству: она приводит к иллюзиям, к идеализации вместо идеала.

Этот феномен хорошо описан Хорни. Но в его интерпретации необходимо сместить акценты: развитие личности искажается не стремлением к безграничному совершенству; наоборот, само это стремление, выражающее реальную тенденцию развития человека и человечества, искажается индивидуалистической обособленностью, превращаясь в «идеализированное я».

Признание своих реальных недостатков необходимо на пути становления личности,

но отнюдь не для того, чтобы смириться с ними и считать их необходимыми свойствами «реального я». Идеал и стремление к совершенству — более существенные признаки индивидуальности человека, поскольку они определяют ее реальное становление.

Негативное отношение Хорни к идеалу не случайно. В идеале мы видим синтез достояний культуры с индивидуальностью человека, осуществляющего выбор или строящего свой идеал на основе опыта культуры: синтез природного и социального. «Реальное я» Хорни — внесоциально, оно развивается спонтанно, влияние же культуры рассматривается лишь с негативной стороны как искажающее развитие подлинной индивидуальности.

*

Клиническая интуиция, пронизательность и здравый смысл помогли Хорни дать много содержательных обобщений по симптоматике неврозов, но цельной систематической теории личности мы в ее работах не находим. Основные теоретические идеи высказаны Хорни в связи с критикой Фрейда.

В отличие от Фрейда, Хорни верит в человека, в его доброе начало и творческие возможности, но эта вера остается скорее на уровне мироощущения, чем последовательного сознательного мировоззрения. В своих теоретических взглядах Хорни не смогла освободиться от системы фрейдовского мышления. В этом причина ее противоречивости и непоследовательности.

В исходном утверждении Хорни о несовместимости принципов безопасности и удовлетворения, движущих человеком, звучит фрейдовская тема антагонизма природных влечений и социальных требований. Хотя Хорни гораздо больше, чем Фрейд говорит о влиянии культуры на личность — это лишь количественная разница. Условия культуры — при таком их понимании — не могут стать определяющими в развитии личности, они могут лишь исказить ее развитие и стать причиной неврозов. Также думал и Фрейд. Хорни углубила эту точку зрения указанием на решающую роль культуры в специфике неврозов, однако сущность понимания культуры у Хорни и Фрейда остается единой: это негативное понимание культуры как враждебной природе человека. В отличие от Фрейда, Хорни не абсолютизирует свое понимание, ограничиваясь характеристиками лишь определенных социально-исторических условий современного буржуазного общества. Но принципиально нового решения проблемы соотношения природного и социального в человеке Хорни не дает.

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ТЕОРИЯ Г. С. САЛЛИВЕНА

Межличностная теория Г. С. Салливена (1892—1949) — одна из тех психоаналитических теорий личности, принадлежность которой к фрейдизму является проблематич-

ной. Салливен отличается большой критичностью и независимостью по отношению к ортодоксальному фрейдизму. В самооценке Салливена влияние Фрейда на его концепцию не является первостепенным. Его теория сложилась под влиянием многих «межличностных взаимодействий». Большое влияние на него оказали глава американской психоневрологии У. А. Уайт, социолог Дж. Мид, культурные антропологи Эдуард Сэпир и Руфь Бенедикт, социальный психолог Леонард Коттрелл и многие другие. Салливен живо улавливал новые веяния науки и стремился к синтезу различных областей знания. Эта тенденция отражена в издававшемся под его редакцией журнале «Психиатрия».

Смысл своей теории Салливен видел в построении строгой системы операциональных понятий, в которых личность описывается с точки зрения теории поля. Салливен определяет личность как «относительно устойчивую модель повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь» [15; 111]. Предметом объективного исследования, по мнению Салливена, должны быть не индивидуумы, а «действия и события в межличностных полях». То, что определяет поведение человека, находится не в нем, а в межличностном поле. Обосновывая этот подход, Салливен ссылается на слова Эйнштейна о том, что явления не определяемы в терминах их внутренней сущности, но являются аспектами контекста, поля.

Предметом клинического анализа является, по мнению Салливена, не индивид, а межличностная ситуация. Свой метод клинической беседы Салливен назвал «методом участвующего наблюдателя»: исследователь должен вести беседу так, как будто все происходящее в ней касается его лично, и в то же время отмечать изменения в межличностной ситуации. В таких беседах является характерной для человека модель межличностных отношений. Задача психотерапии (или перевоспитания) заключается в перестройке отношений человека [16].

Основная клиническая работа Салливена как психиатра относится к области шизофрении и неврозов. Но Салливен не ограничивает свою теорию рамками патологии, так как, по его убеждению, разница между нормой и патологией состоит лишь в степени болезненных проявлений. При этом он отмечает, что его интересуют «психиатрически значимые аспекты человеческой жизни».

Салливен при жизни опубликовал лишь одну монографию — «Теории современной психиатрии» (1947). Кроме этого, в журнале «Психиатрия» был опубликован ряд его статей. Посмертно изданы лекции Салливена в книгах «Межличностная теория психиатрии» (1953), «Психиатрическое интервью» (1954), а также несколько сборников, составленных из рукописей, записных книжек и выступлений Салливена. В 1965 г. в Нью-Йорке издано двухтомное собрание его сочинений.

Остановимся кратко на основных идеях теории личности Салливена.

Человек вступает в межличностные отношения с момента рождения. Уже у новорожденного возникают основные «межличностные потребности»: потребность в нежности ухаживающего за ним человека и потребность избегания тревоги. Тревога передается младенцу от матери (или другого человека), когда она недобржелательна, обеспокоена или сердита. Тревога пагубно отражается на кормлении ребенка и его здоровье, а впоследствии может быть причиной отрицательных и болезненных изменений в межличностных отношениях.¹

Потребность в избегании тревоги фиксирует сознание ребенка на том, что взрослые одобряют, а что не одобряют. Эти оценки взрослых людей ложатся в основу «я — система», т. е. того, чем человек себя считает. «Я — система», будучи сформирована в раннем детстве, на досознательном этапе развития, обычно не подвергается критике, сохраняясь в той или иной мере на всю жизнь; для ее изменения часто требуется психотерапевтическое вмешательство. Чем больше тревоги в межличностных отношениях, тем более «косной и раздутой» становится «я — система». Человек склонен не замечать того, что противоречит «я — системе», чтобы избежать тревоги. Это явление сильной степени — «диссоциации» — аналогично «бессознательному» З. Фрейда.

*

Салливен был увлечен идеей применения операционализма в психиатрии и социальной психологии и стремился к перестройке их языка. То, что обычно называется привычкой, у Салливена носит название «динамизм»; представление человека о себе — «я — система» или «я — динамизм»; анализаторы названы «зонами взаимодействия»; «бессознательное» носит название процесса «диссоциации» и т. д.

Согласно этой логике, следовало бы отказать от таких понятий, как «мотив» и «потребность». Но хотя Салливен критически относится к этим понятиям, которые, с его точки зрения, гипостазировать процессы взаимоотношений, тем не менее, он не может обойтись без них, что явно непоследовательно.

О результатах попытки Салливена приблизить язык психологии к языку физико-химических наук можно судить по его «теоремам» нежности и тревоги.

О нежности Салливен пишет так: «Наблюдаемая активность младенца, возникающая от напряжения потребностей, индуцирует напряжение у ухаживающего взрослого, который переживает свое напряжение как нежность и как побуждение к активности по направлению к удовлетворению потребностей младенца» [15; 39]. В «теореме тревоги» говорится: «напряжение тревоги ухаживающего взрослого индуцирует тревогу у младенца» (там же, стр. 41). И нежность и тревога описываются здесь в терми-

нах действий и энергетических напряжений. Но из этих «теорем» невозможно понять, чем же нежность как напряжение отличается от тревоги как напряжения; в чем качественное своеобразие этих напряжений как состояний переживающего их человека. Читатель сможет различить эти два состояния, но не благодаря «теоремам» нежности и тревоги, а за счет личного опыта.

Этот пример не случаен. Он отражает основную тенденцию всей теории Салливена — максимально объективизировать язык психологии по примеру точных наук. Это чрезвычайно характерная тенденция современной позитивистской психологии. Ее аргументированная критика — специальная задача. Мы ограничиваемся лишь рассмотрением того, насколько эта попытка удалась Саллиvenu и каковы ее теоретические следствия. На примере теорем нежности и тревоги очевидно, что указанная тенденция приводит к психологической бессодержательности, пустоте понятий. И это не случайно, так как язык энергетических процессов неадекватен для выражения психических состояний человека. Их качественное своеобразие остается за рамками определений, оставляя возможность для самых произвольных толкований. Так, предельный объективизм языка оборачивается другой своей крайностью — субъективизмом.

Обращает на себя внимание связь языка межличностной теории и того, как Салливен рассматривает роль слова и знакового опыта в личности человека и его мышлении.

Речевое общение, по Саллиvenu, возникает как средство практического приспособления к окружающим. «Синтаксический опыт» служит социализации ребенка: подавляя в нем непосредственные проявления, он содействует формированию лишь общезначимого. Язык служит созданию шаблонов и стереотипов мышления, а творческий потенциал мышления Салливен относит к доречевому этапу развития ребенка.

Однако такое понимание знакового опыта может объяснить лишь те формы поведения, которые общи человеку, животному и машине: например, поведение в ответ на сигнализацию светофора. Оно не способно охватить природу творческой мысли: науки, искусства, философии¹.

Итак, язык теории Салливена соответствует тому пониманию слова, из которого исходит Салливен-теоретик.

Очевидно, что если язык является лишь выразителем общезначимого — индивидуальность человека не подлежит описанию. Так, следствием объективизации языка психологии оказывается отказ от проблемы индивидуальности. По словам Салливена, предметом науки может быть лишь общее;

¹ Процесс рождения мысли в слове описан Л. С. Выготским в статье «Мысль и слово», где показана формирующая роль слова в творческом процессе: без слова нет рождения, воплощения мысли, без него творчество не осуществляется [7].

индивидуальность же не имеет отношения к научному изучению¹. В статье «Иллюзии личностной индивидуальности» [14] Салливен остроумно развенчивает иллюзорную индивидуальность как результат гипертрофированного чувства престижа и механизмов тревоги. Но то обстоятельство, что индивидуальность нередко бывает иллюзорной, на наш взгляд, еще не доказывает отсутствия в человеке подлинной индивидуальности. По мнению же Салливена, «каждый человек имеет столько личностей, сколько он имеет межличностных ситуаций». Следовательно, по Саллиvenu, за внешней иллюзорной маской («ролью») социального индивида не содержится действительного лица.

За отрицанием индивидуальности следует понимание личности как пассивной проекции социальных воздействий. Терапевтическая задача сводится Саллиvenом к адаптации человека к социальным условиям.

Хотя Салливен отличается среди постфрейдистов наиболее крайним социологизмом (он говорит о «социальном характере трансформации энергии» человека, о социализированном дыхании, пищеварении, кровообращении), в «основном вопросе» психоанализа он остается в рамках фрейдовского биологизма.

Характеризуя подростковый возраст, Салливен основное внимание направляет на проблему пола. Эта тема становится фокусом, в котором сосредоточены все другие проблемы этого возраста. Правда, в отличие от Фрейда, Салливен подчеркивает, что трудности этого периода связаны с уже сложившимися межличностными отношениями, а также с характером современной западной культуры, препятствующей свободному удовлетворению природных потребностей человека. Но выход из этих трудностей, согласно Саллиvenu, тот же, что и по Фрейду: либо беспрепятственное удовлетворение полового влечения, либо его сублимация, т. е. переключение энергии этого влечения в социально приемлемые русла.

Если следовать логике теории Салливена и говорить в понятиях его «энергетической модели», то лучшее решение проблемы заключалось бы в свободном, беспрепятст-

венном развитии «полового динамизма». Но так как последний появляется тогда, когда юноша еще не стал духовно зрелой личностью, развитие этого динамизма привело бы к формированию такого типа «трансформации энергии», который переключил бы основную энергию организма в русло удовлетворения этой биологической потребности. Господство этого «динамизма» сделало бы невозможным освоение культуры, без чего человек не смог бы стать полноценной личностью и развитие самой культуры стало бы невозможно. Здесь Салливен изменил своей идее о социальном характере трансформации энергии организма и последовал за фрейдовским биологизмом.

Как и Фрейд, Салливен считает, что основным механизмом «окультуривания» человека является сублимация. Это понятие у Салливена не тождественно фрейдовскому: оно не связано с пансексуализмом. Но, несмотря на различие, общим у Фрейда и Салливена остается понимание того, что высшие формы поведения — результат неудовлетворенности непосредственных стремлений человека и переключения их энергии в «социально приемлемые русла». Этот процесс неизбежно связан с болезненными нарушениями психики.

В теории сублимации Фрейда остался нерешенным вопрос: почему сублимация, которая якобы может объяснить гениальность Леонардо да Винчи [7], не привела к такому же «компенсаторному» результату ни одного из его пациентов?

С точки зрения энергетизма психоанализа, естественно считать, что успех сублимации зависит от соотношения сил, действующих в человеке: энергия менее сильных потребностей может переключиться лишь в русло более сильной потребности¹. Следовательно необходимо допустить наличие у человека потребностей более сильных, чем либидо. Таким образом, пансексуализм оказывается несовместимым с механизмом сублимации. Происхождение высших форм деятельности человека и самой культуры оказывается необъяснимым в системе фрейдизма.

Это же относится к теории Салливена с той лишь разницей, что на место фрейдовского либидо следует поставить органические влечения вообще.

*

Вернемся к началу нашего критического анализа и напомним те основные тупиковые линии межличностной теории, которые мы обнаружили.

1. В языке теории, как и в характеристике природы слова и знака, мы отметили крайний объективизм — разрыв объективного и субъективного.

2. В связи с этим пониманием языка нау-

¹ Для описания этой динамики потребностей более адекватным представляется понятие «доминанты» А. А. Ухтомского [6].

¹ Салливен не отрицает того, что люди отличаются друг от друга особенностями конституции, нервной системы и способностями, но подчеркивает при этом, что он занимается наукой не об индивидуальных различиях, а о человеческой общности. Эта мысль может показаться разумной как утверждение единства людей и иллюзорности индивидуалистической обособленности. Но при таком подходе смешиваются два принципиально различных понятия: индивидуальности и индивидуалистически настроенного индивида. По-видимому, Саллиvenu в его терапевтической практике приходилось чаще всего встречаться именно с такого рода индивидами и работать над преодолением их индивидуалистической обособленности.

ки стоит исключение проблемы индивидуальности из сферы социальной теории личности и отрицание личностной индивидуальности как таковой. Здесь мы видим разрыв общего и единичного, общественного и индивидуального.

3. Социальное рассматривается как внешнее по отношению к природному: это — характерный для фрейдизма дуализм природного и социального.

4. Противопоставляя социальное природному, Салливен не находит в человеке источников духовного развития. Крайность социализации переходит у Салливена в крайность биологизма фрейдовского толка.

В каждой из выделенных нами сторон проявляется одна общая особенность, характеризующая метод мышления: целостное явление, живой процесс механически разлагается на свои противоположные стороны и предметом внимания делается либо только одна из них, либо каждая в отдельности. Но так как в реальном процессе эти противоположности служат источником развития, то их изолированное рассмотрение приводит к умерщвлению живого процесса, к схематическому, механизированному языку описания.

Этот механицизм мышления отнюдь не является прогрессивной тенденцией современной науки. Это — линия, восходящая к периоду расцвета механики и связанного с этим представлением о мире и человеке как механизмах, состоящих из суммы частей — деталей.

Попытка преобразования психологии в духе современной науки отражена в таких понятиях Салливена как «динамизм», «зоны взаимодействия» и, более всего, в стремлении понять личность как систему межличностных отношений. Однако эти тенденции к динамическому и системному описанию отразились в межличностной теории лишь внешне, не затронув метод теоретического анализа.

Все это подводит нас к выводу о том, что межличностная теория Салливена — всего лишь смелая, но не состоявшаяся попытка социализации психоаналитической теории.

ДУАЛИЗМ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИЙ К. ХОРНИ, Г. С. САЛЛИВЕНА И З. ФРЕЙДА

Подведем итог нашему рассмотрению теорий Хорни и Салливена.

Социальная ориентация в этих теориях психологически конкретизируется лишь при рассмотрении отчужденной, невротической и психически больной личности. Это было бы оправдано, если бы эти теории ограничивались рамками патологии. Но они претендуют и на объяснение природы здоровой личности.

Источник здорового развития личности К. Хорни видит в «реальном я»: это, по ее словам, первоначальная сила, ведущая к

индивидуальному развитию и осуществлению». В отличие от «идеализированного я», — продукта социальных искажений — «реальное я» — характеристика индивида как природного существа.

В теории Салливена, абстрагировавшейся от природного в человеке, проблема психической нормы личности и ее истоков не ставится вовсе. Как и Фрейд, Салливен не видит принципиальной разницы между нормой и патологией.

Хорни и Салливен рассматривают социальное как чуждое природе человека. Это сродни фрейдовскому пониманию культуры как подавляющей, вытесняющей природное в человеке. Разница в том, что Фрейд приписывает природе свойства, антагонистичные культуре: он считает природные влечения человека эгоистичными, «животными»¹, нуждающимися в обуздании. Фрейд спроецировал на природу социальные искажения; в неопределенности мы видим противоположное — негативное отношение к социальной природе человека. Принципиально общим для Фрейда и неопределенности остается противопоставление природного и социального как чуждых друг другу сил.

Произведенное неопределенностью смещение акцента с биологического на социальное в теориях личности нельзя считать преодолением фрейдовского биологизма. Мы видим биологизм Фрейда не в том, что он говорил о природных инстинктах у человека (никто не станет отрицать, например, половой инстинкт у человека); биологизм Фрейда не заключается и в отрицании влияния культуры на личность (вспомним его понятия «сверх-Я», «цензуры», «вытеснения» и др., связанные с влиянием культуры на человека). Биологизм Фрейда связан с тем, что Фрейд рассматривал природное и культурное как антагонистические силы, борьба между которыми заканчивается обычно, в пользу биологических влечений. Этот конфликт и доминирование низших влечений является характеристикой тех аномалий личности, которые входили в поле клинической деятельности Фрейда. Абсолютизация этого принципа больной психики свидетельствует об эмпиризме, нетеоретичности построений Фрейда. Столь же эмпиричным, теоретически не сформулированным является дуализм в неопределенности.

*

Рассмотрим, каковы следствия дуализма в теориях личности Хорни и Салливена.

Дуализм, методологически связанный с механицизмом, приводит к статичной картине мира и человека. Метафизичность мышления Фрейда была предметом критики К. Хорни. Однако у самой Хорни нет теории

¹ Современные исследования поведения животных показали, что на самом деле они куда менее агрессивны, эгоистичны, сексуальны и жестоки, чем в представлении Фрейда ([8], [5] и др.).

развития личности. Теория Салливена дает лишь описание возрастных срезов, внутренняя же логика развития остается нераскрытой. Отсутствие теории развития неизбежно связано с дуализмом, так как диалектическое понимание развития основывается на борьбе и единстве противоположностей.

Дуализм природного и социального неизбежно приводит к теории отчужденной личности. Это хорошо иллюстрируют теории неофрейдизма. Теория гармонической личности невыводима из дуалистического постулата уже потому, что по определению гармоническая личность предполагает гармонию природного и социального.

Следствием дуализма является также невозможность понять природу человеческой индивидуальности. Салливен говорит об «иллюзорности личностной индивидуальности». Личность выступает у него как система интериоризованных социальных отношений, смыкаясь с понятием «роли».

Если Салливен выносит за скобки индивидуальные природные особенности человека, то Хорни, говоря об индивидуальности, отвлекается от межличностных отношений. «Реальное Я», по Хорни, развивается спонтанно, нужно только освободить эту спонтанность от искажений социализации.

Так на почве дуализма сходятся крайности социологизаторского отрицания индивидуальности (Салливен) и внесоциального ее понимания (Хорни).

Таковы наиболее общие следствия дуалистического постулата в теориях личности неофрейдизма¹.

Мы приходим к выводу, что неофрейдизм не разрешил взятой на себя задачи — преодоления биологизма Фрейда и создания социально-психологической теории личности. Механистический разрыв природного и социального, лежащий в основе фрейдистских теорий, приводит к принципиальной неразрешимости основных проблем психологической теории личности.

¹ Проблема «природное — социальное» — одна из актуальных и остро дискуссионных проблем нашей науки (см. дискуссии в «Вопросы философии», 1968, №№ 8, 11; 1969, № 3; 1970, №№ 7, 8, 9; в ж. «Природа», 1970, № 1 и др.). Анализ неофрейдистских теорий может послужить иллюстрацией того, что смещение акцента с биологического на социальное, признание ведущей роли социального «фактора», не является научным разрешением этой проблемы.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
4. Виготский Л. С. Мысль и слово. В кн. «Избранные психологические исследования». М., 1956.
5. Симонов П. В. Искрящие контакты. «Новый мир», 1971, № 9.
6. Ухтомский А. А. Учение о доминанте. Собр. соч., т. I. М., 1950.
7. Фрейд З. Леонардо да Винчи. М., 1912.
8. Эфроимсон В. Родословная альтруизма. «Новый мир», 1971, № 10.
9. Horney K. The neurotic personality of our time. N. Y., 1937.
10. Horney K. New ways in psychoanalysis. N. Y., 1942.
11. Horney K. Our inner conflicts. N. Y., 1945.
12. Horney K. Neurosis and human growth. N. Y., 1950.
13. Sullivan H. S. Conceptions of modern psychiatry. N. Y., 1947.
14. Sullivan H. S. The illusion of personal individuality. Psychiatry, 1950, 13.
15. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. N. Y., 1953.
16. Sullivan H. S. The psychiatric interview. London, 1955.
17. Sullivan H. S. The collected works of Harry Stack Sullivan [in 2 vol.]. N. Y., 1965.

